

ХРАНИТЕЛИ ВРЕМЕНИ: МУЗЕЙ, АРХИВ, БИБЛИОТЕКА
ЧАСТНЫЙ АРХИВ

УДК 92-94(093.3)"1938–1941"

Безрукова Л.Н.

**«И весь как сон прошел твой век»...
Дневник жены командира РККА
за 1938 – 1941 гг.**

Безрукова Людмила Николаевна, журналист, сотрудник федерального интернет-издания «Свободная пресса», С.-Петербург

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-6748-1011>

E-mail: lyudmila-n-bezrukova@j-spacetime.com; lb20.08@mail.ru

Представлена публикация дневника жены командира РККА за 1938–1941 гг. из семейного архива¹, позволяющая составить представление о повседневной жизни семьи советского офицера в предвоенные годы на Украине.

Ключевые слова: малая история; семейный архив; дневник; быт офицерской семьи; предвоенный период; Украина 1938–1940 гг.

Несколько старых, с пожелтевшими страницами тетрадей. Чернила местами выцвели, так что не все из написанного удастся поначалу разобрать. Еще и почерк писавшего слишком «ветвист». Но постепенно привыкаешь и к почерку, и к блеклым строчкам, и к ветхим листам, за которыми открывается прежде неведомая мне жизнь.

Лидия Александровна Безрукова (в девичестве Ильина, 1892 или 1893–1947). Фото предположительно 1935–1937 гг. из семейного архива

Что-то, конечно, я знала о ней – от мамы. По кратким её замечаниям: «...а вот перед войной», «...а мои мама и папа»... Скажет, помолчит, всплакнет. Это она спасла в сорок первом при эвакуации практически с линии фронта бабушкины дневники. Та вела их с юности.

Одну из сохранившихся тетрадей, единственную – в твердой обложке, я все никак не решалась открыть и прочесть. Подержу в руках, вспомню маму, как тяжело она вздыхала, перечитывая в очередной раз записи давних десятилетий, и вновь уберу в дальний ящик письменного стола.

В тот, предвоенный, период бабушка моя, Лидия Александровна Безрукова (в девичестве Ильина), жила на Украине, куда откомандировали из Ленинграда её мужа, кадрового командира Красной Армии Николая Ильича Безрукова. Семья была большой – четверо детей. Из-за постоянных переездов Лидия Александровна вынуждена была оставить любимую работу учителя. Но не изменила привычке записывать впечатления дня, фиксировать события. Даже если впечатления эти были порой горькими, а события – тревожными.

* * *

¹ Опубликованное ранее извлечение из дневника Л.А. Безруковой за 1939 г. см.: Безрукова Л. «Просто голова шла кругом...» Дневник жены красного командира о жизни и быте офицерской семьи в предвоенный 1939-й год // Родина. 2016. № 10. С. 122–126; То же. [Электронный ресурс] // Российская газета. 2016. 21 окт. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/10/21/rodina-dar-1939.html>.

1938 год, Винница

Октябрь, 3-е

Получила сегодня письмо от Женюрки [*старшей дочери Евгении – Л.Б.*] и так расстроилась. Я писала Николаю, чтобы он выслал мне справку и взял бы немного денег из кассы [*взаимопомощи – Л.Б.*], как раз он обещал приехать 3-го числа. А Женя теперь пишет, что папа не приедет до коротких праздников, когда ему дадут отпуск. От самого ни слуху, ни духу. Не знаю, как жить буду: отдала за квартиру 116 рублей. А была бы справка на руках, так платить бы пришлось вдвое меньше. Такое горе меня взяло, хотела даже ругательное письмо ему послать. Да уж не стоит того, как-нибудь проживу.

4-е

Сегодня наша молочница Софья Васильевна опять приглашала нас к себе помочь ей собирать яблоки. Погода стоит такая замечательная, совершенно летняя, что мы решили воспользоваться приглашением. Пошли Дмитриева, Бурцева, Рудакова, Иванова и я. Идти было так хорошо, так легко дышалось...

Дорога была нам уже знакома, и мы дошли гораздо скорее. С удовольствием принялись за дело. Принесли лестницу, скамейки и работа закипела. Какие прекрасные у нее яблоки, зрелые, сочные, мы собирали их и без конца ели. Софья Васильевна только успевала таскать мешки. Сколько яблок, какое богатство! А как весело было работать. Я влезла высоко на дерево, и посмотрела вокруг – открылся великолепный вид, точно панорама. Загляделась, и мне вспомнилось далекое детство. Я, бывало, так любила взбираться на самые высокие деревья в нашем саду. Как быстро промелькнули года...

Долго я сидела на яблоне, отдаваясь воспоминаниям, на душе было грустно, работать больше не хотелось. Хотелось просто посидеть на солнышке, подышать этим воздухом, пропитанным запахом яблок, увядающей листвы и чем-то еще, осенним.

Софья Васильевна предложила сделать перерыв и пойти закусить. Это было очень кстати, так как мы уже успели проголодаться. Она подала нам картошку, огурцы, помидоры, мы ели с большим аппетитом.

Несмотря на такое богатство, питается она с мужем неважно. Иногда и молока не оставляет дома, все продает. Едят они сухую картошку, да огурцы с помидорами, мяса не варят. Но зато деньжищ у них – уйма! Чего бы только ей ни предложили – все покупает. Сколько она в нашем доме перекупила добра! Я продала ей две пары белья Николая по 40 рублей, Полина Рудакова и вовсе на 200 рублей вещей...

Когда засобирались домой, Софья Васильевна предложила нам взять с собой столько яблок, сколько каждый сможет унести. Ну, конечно, глаза завидуши, а руки загребуши. Мы отобрали себе самых лучших плодов. Иванова, такая здоровая, взяла большую корзинку, да еще и мешок, и тащила их, шутя. Взяли также каждая по тыкве. Идти было хоть и тяжело, но весело. Мы много смеялись на свои тыквы. Правда, к концу дороги так устали, что уже едва дышали.

16-е

От Николая за два месяца ни слуху, ни духу. Женюрка писала, что он собирается к нам. Я отправила ему два письма. А от него по-прежнему нет ответа. Это меня так возмутило, так разозлилась я на него – подумаешь, какой деловой человек, некогда ему написать!..

18-е

Пошли сегодня с Полиной на рынок. Хорошо хоть товарищи мои такие денежные, всегда можно у них занять, а то прямо беда. Молочница у нас богатая, ей тоже можно что-нибудь продать.

На рынке бродили долго, сегодня ведь выходной, с обедом особенно спешить не надо. И погода выдалась замечательная, солнечно, тепло, точно летом. Домой идти не хотелось. Когда вернулись с

*Н.И. Безруков (1896–1942) с женой Лидией Александровной и детьми. 1927–1929 гг.
Стоят дочери: слева – младшая Алевтина (Аля), справа – старшая Евгения (Женюрка).
Фото из личного архива*

рынка, на крыльце нас встретили Виталий и Толя [*сыновья – Л. А.*], оба сияющие. Объявляют, что приехал папа.

Ноябрь, 5-е

Все эти дни была занята шитьем. Сшила или, вернее, перешила два зимних пальто ребятам, а то ведь им совсем не в чем ходить, сшила также по рубашке каждому, еще кое-что, так что приходилось засиживаться часов до двух ночи. Очень устала за это время. К тому же питание неважное, все время сидим без денег. Ребята здорово похудели.

Погода все эти дни стоит отвратительная, дожди, непролазная грязь. Сегодня ходили встречать Женю. Отправились с Алей [*младшей дочерью Алевтиной – Л. Б.*], надев мужские сапоги, а иначе не пройти. Было темно и холодно. Поезд должен был прийти в час ночи, но запоздал, пришел только в третьем часу, мы на станции сильно продрогли. Мне даже не верилось, что я сейчас увижу свою Женюрку. Кажется, так давно ее не видела.

Спать легли уже в пятом часу утра. В комнате был собачий холод, дров у нас нет. Я думала, отец пошлет нам со старшей дочкой денег, а он передал, что сам привезет их на праздник.

9-е

Праздник прошел быстро. Сегодня гости уже уезжают. Жаль мне Женюрку, совсем мало она была со мной, все по подругам путешествовала. Конечно, дома скучно сидеть. Теперь опять долго не увидимся. Для меня праздник ничем не отличался от прочих дней.

21-е

На днях получила от Жени письмо, она интересуется, получили ли мы деньги. А деньги, оказывается, отец послал только 19-го. Это мне его сослуживец и наш сосед Бурцев сказал, он приехал раньше. Господи, а мы сидим здесь без копейки, недавно мануфактуру давали, так я и не стояла за ней, что же все занимать и занимать. Бурцев говорит, что Николай скоро приедет в отпуск... От плохого питания мы все очень похудели, а Витася совсем расхворался, стал аж зеленый. Вчера вечером у него была температура 38,5.

Что делать, может, устроиться на работу? Но куда пойти? Здесь так трудно поступить на работу, да и ставки совсем малюсенькие.

P.S. Вчера была на родительском собрании в школе. Сели вместе – Клава, я и Полина. Сначала был доклад о международном положении. Делал доклад молодой командир, говорил так хорошо и интересно, что все слушали с удовольствием. А после доклада стало скучно слушать завпеда [*видимо, завуча – Л. Б.*], говорит все то же, что и на предыдущих собраниях, захотелось спать. А потом, от усталости, что ли, разобрал нас смех, насилу досидели.

25-е

Сегодня получила деньги от Николая, 250 рублей. Отдала долг 90 рублей. За радио заплатила 15 руб. На рынке истратила 50 руб. На житее остался грош. Надо еще за квартиру заплатить за три месяца 256 рублей, да за электричество 60 руб. Итого – 316 руб. Откуда взять такие деньги?

Погода стоит хорошая, теплая для этого времени года. А в России уже выпал снег.

27-е

Получила письмо от Николая, насилу прочла, так много он написал. Обиделся за приписку к письму Жени. Я бы за такую-то приписку написала в ответ ругательное письмо. А он нет, мягкосердечен. Может, оттого и не везет ему в жизни?

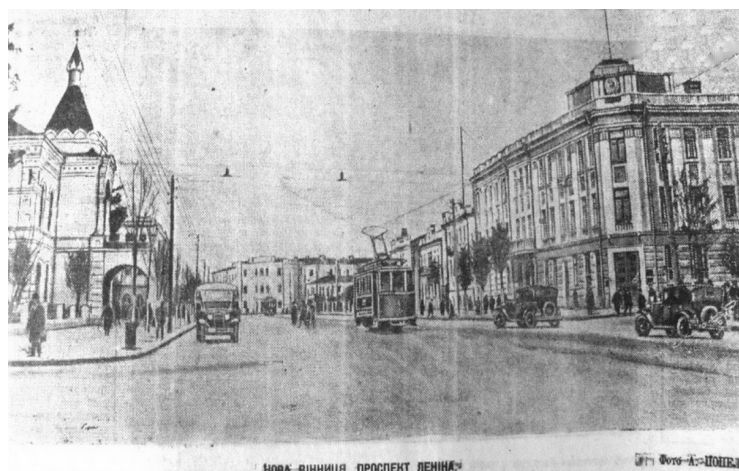
Сегодня же получила письмо и от Олечки, также из Киева. Она пишет, что нашла себе новую квартиру и из «дома Безрукова» съехала. Так что вещи наши остались на «поругание». Как жаль. Был бы Николай поэнергичнее, съездил бы в отпуск за вещами, взял что можно. Да куда ему, за кроватю когда-то ездил и не смог привезти, потому что на ней какой-то дядька спал.

Декабрь, 5-е

Сегодня День конституции. По радио передают о празднестве в Москве. Как хорошо, как шумно там! А у нас здесь тихо-тихо, как за монастырской стеной. Погода осенняя, моросит дождик. С утра пошла на рынок, часа два простояла в очереди за свиной головой, устала, озябла, но зато достала голову – 4 кило за 10 рублей и обрезков по 4 рубля 50 копеек, очень хороших. Дома натопила из них сала.

У ребят сегодня и завтра выходные дни. Вечером пришли Клавдия Ивановна и Наталья Ивановна. Посидели, потом отправились все в кино. Смотрели «Дочь Родины».

Р.С. Получила письмо от Николая. Пишет, что ему крайне тяжело создавшееся между нами отношение. Он стремится в отпуск, но никак не может его получить. Обещает приехать к 10-му. В самом деле, уже давно мог бы найти соответствующую квартиру, и были все бы вместе, а то так тяжело жить на два дома. Но ехать отсюда мне очень не хочется. Сейчас занеслись молодые курочки. Как приятно иметь «свое хозяйство».

Винница. Проспект Ленина.
Фото 1939 г.

1939 год

Январь, 1-е

Вот и еще один год пролетел, еще одна страница вырвана из книги нашей жизни. Что-то невесело на душе. Думала, приедет Николай, да и Бурцев говорил, он был у него, что ему обещают дать к первому числу отпуск. Но, увы...

Решила встретить Новый год дома с ребятами. Всего накупила, наварила студню. Комнаты убрала, вымыла пол, затопила печку. Так было хорошо и уютно, играло радио. Теперь в квартире мы не одни. Нас уплотнили. Спальню заняли грузины. Он орденоносец, уже пожилой. А она совсем еще девочка. Ей только что исполнилось 16 лет. У них еще держатся старые законы, она говорит, что и теперь выходят замуж с 14 лет. Фамилия у них Гугенишвили. Очень симпатичные и нисколько нас не стесняют. Ведь теперь нас фактически только четверо, Николай бывает редко, так зачем же нам целая квартира? Тем более что ни кладовкой, ни кухней они не пользуются.

Итак, сидела я одна, ребята ушли в кино. Электричество что-то забастовало, как нарочно подкачало для такого вечера. Я сидела у открытой печки, и чего только не приходило в голову...

Зашла Полина, потом Кониная, разговорились, поднялся хохот. Мужья их сегодня дома не будут, ушли на дежурство. Только Бурцев один дома. Полина зовет встречать Новый год к себе. Она делает для ребят елку, ведь у нее маленькие дети. Елка большая, красивая, стоит дорого.

2-е

Сегодня пировали у Дмитриевых. У них всего было много. Сегодня и электричество горит. Были все свои: Бурцевы, Рудаковы и я. Рудаков выпил и очень всех смешил. В заключение стул под ним сломался, и он загремел.

Молочница Софья Васильевна очень зовет к себе на праздник. Собираемся ее посетить. Интересно, как они отмечают свои праздники? Погода стоит такая хорошая, что пройтись будет одно удовольствие.

7-е

Всегда так бывает, когда ждешь, ждешь, но все напрасно, а как перестанешь ждать, так непременно будет. Ребята после Нового года каждый день ждали отца. А теперь вот уже ждать перестали, решили, что приедет только с полочки. А он сегодня как раз утром и стучится. Да только невесел был его приезд, денег привез мало, всего 400 рублей. Придется, верно, бросать нам золотую Винницу и ехать в Киев, а то он совсем там проживется. Привез кое-какой материал, наверное, продам Софье Васильевне. Хоть и жаль, да что же сделаешь, ведь на 400 рублей не проживешь.

16-е

Сегодня Софья Васильевна непременно зовет к себе в гости. Я не хотела идти, так как чувствовала себя неважно. Но все запротестовали, сказали, что тоже никуда не пойдут и пр. Погода была замечательная, солнечная, теплая. Слегка только моросило. Нас отправилось пять человек: Клава, Наталья Ивановна, Полина, Иванова и я. Дошли быстро. Нас уже ждали. Там были ее сестра с мужем. Сестра такая славная, веселая старушка, все пела какие-то величания.

Угощение было «мировое». Студень, но только не такой, как делаем мы, а большими кусками и с костями, очень вкусно. Потом вермишель с мясом. Все такое жирное. Еще ряженка (они называют ее колотухой) со сдобными пирогами. А также чернослив, такой густой, сладкий. И вина, и пива было много. Жаль, что у них не принято пить чай. Даже и самовара нет. После такого обеда неплохо было бы выпить чайку.

Наши все здорово подвыпили, много пели, плясали, дурили. Клава с Полиной подхватили под руки старичка (сестриногo мужа) и начали его вертеть. А потом посадили на лавку, да, верно, он не удержался. Смотрю, на лавке только одни ноги, а сам старичок валяется под столом. Бросились все поднимать его, думали, ушибся, а он ничего, кажется, даже доволен остался. Как плохо быть старым. Он сам с таким сожалением вспоминает свою молодость, говорит, был «молодец», и так вздохнул при этом, что очень жаль стало его. Говорит: «Я стар, а душа у меня молодая».

Было уже 9 вечера, когда мы вышли из хаты. Нас пошел провожать муж хозяйки и племянник – молодой, красивый. Клава и Оля взяли его под руки. Шли и толкались, смеялись. И мне так вспомнились, глядя на них, мои молодые годы. Как все быстро проходит с тем, чтобы больше никогда уже не вернуться...

Дорогой чувствовала себя ничего, а домой пришла и что-то захмелела. Легла на диван и начала смеяться. Коля подошел, пощупал пульс и сказал: «Ты, верно, заболела, милая Лида?» Я стала рассказывать про старичка, все смеялись.

P.S. Я все еще в сомнениях: ехать в Киев или оставаться в Виннице? Как не хочется ехать, ведь в Киеве жить очень трудно, там все дорого. А с другой стороны, конечно, лучше жить всем вместе. Все наши советуют мне ехать. Но я такая нерешительная, то думаю ехать, то опять решаю остаться.

Куриное хозяйство хочу взять с собой. Курочки стали все такие большие, все несутся – одно утешение. А Николай не советует брать, у него там нет сарая. На днях он поедет в Киев за подъемными, а то и ехать не на что, денег ни копей.

23-е

Сегодня ходила на рынок. Иду себе не спеша, кругом степь, покрытая снегом, блестит, переливается бриллиантами. Какой простор, глядишь и не наглядись, дышишь и не надышишься. Я всем существом своим стараюсь ощущать эту свободу. В Киеве этого не будет. Там на рынок надо на трамвае ехать, шумно, крикливо. И так что-то сжалось сердце, так стало жаль Винницу. Эх, кочевая моя жизнь, хоть бы годика два пожить на одном месте.

Вечером с Клавой и Натальей Ивановной ходили в кино в часть Рудакова, смотрели «Депутата Балтики». Какая хорошая вещь! Ну как я буду жить там без своих подружек?..

Февраль, 4-е

Просто дым стоит коромыслом, негде и голову приклонить. Всюду ящики, корзинки, коробки, ворох веревок, бумаги и пр. Думали ехать завтра, но, как видно, не собраться. По несколько раз приходится перекладывать одну и ту же вещь. Устала, измучилась, и не столько физически, сколько морально. Душа отягощена сомнениями. Ребята плачут, не хотят ехать, особенно Витася. Укладка не спорится, все из рук валится. Наша соседка Элиза Гугенишвили целый день помогала нам. Она очень к нам привыкла и поэтому огорчается нашим отъездом и даже плачет. Спасибо Бурцеву, он дал машину и красноармейца. Дивизия тоже дала машину.

6-е

Сегодня день отъезда. Что-то ждет нас на новом месте? Лучше будет или хуже? Я так что-то устала. Ночь прошла тревожно, встали рано. Надо было выходить из дома. Ручного багажа набралось много. Да еще корзинка с курами. Беру с собой пять кур и петуха, а три курицы подарила своим приятельницам, Клаве, Наталье Ивановне и Полине. В девять утра собрались провожающие: Элизин муж, Клавин муж, Элиза, Полина, Нина Хромова и товарищи ребят, а то не унести бы вещей. С курами произошло недоразумение, вожатый [*проводник – Л.Б.*] не хотел пускать в вагон. Надо было сдавать в багаж, а мы не знали, просто хоть бросай их на дороге. Хорошо, Гугенишвили похлопотал. Он орденоносец, и для него сделали исключение. Доехали хорошо, куры не кричали, и петух вел себя прекрасно. Но все-таки пришлось заплатить за них штраф 6 рублей. Прощай, прощай, Винница.

Киев, август,

1-е

Вот сколько времени прошло, я не заглядывала в свой дневник, даже писать разучилась... Прошла весна, прошло уже и лето, быстро и незаметно. Кажется, ничего особенного за это время не случилось.

Квартира в Киеве неплохая, я ждала худшего. В июле приезжала Клавдия Дмитриевна со своей семьей. Их перевели в Чернигов. Она пробыла у нас целый день. Я очень утомилась путешествовать с ней по Крещатику, потом возилась с обедом. Теперь все так дорого, и денег нам никогда не хватает. Ну да ладно.

В Виннице, говорит, все по-прежнему. Там жизнь, конечно, гораздо дешевле. Повспоминали с Клавой кой о чем. Там и женщины совсем не такие, как здесь. Здесь молодежь все больше необразованная, а женщины ужасные воображалки.

Есть здесь жена майора Доронина. Пожилая, у нее дочка, немного старше моей Жени, уже замужем, а сама Доронина бабушка. Вот я с ней и дружу понемножку. А свел нас такой случай. Пришла к нам однажды в кухню жена одного командира – Миронова. Пустая голова, но воображает себя такой ученой. Говорит, имею диплом и пр., а сама двух слов сказать правильно не умеет. И еще сплетница, я убедилась на собственном опыте. Как-то разговорились с ней про дочерей, я и говорю: не хочу, чтобы моя дочь выходила замуж как Доронина. А Миронова раздула из этого целую историю, пошла прямо к Дорониной, и давай плести чушь. Сказала, будто бы я Доронину ругала за то, что не сумела правильно воспитать свою дочь. Это мне говорила потом уже сама Доронина.

Нет худа без добра, так и тут. С этого времени началось наше знакомство. Ходим с ней в кино в Дом Красной армии. Во дворе, бывает, посидим.

Двор здесь большой-большой. С нашей стороны расположена правительственная дача, она обнесена большим забором. Мы часто с завистью поглядываем за этот забор, там расположен прекрасный парк, с прудом, купальней, громадными деревьями, высаженными аллеей, а кругом молодые елочки. Так хорошо, так заманчиво. Весной парк этот оглашается пением птиц. Не могу даже описать радость, когда впервые за долгие годы услышала здесь как-то соловья. Целыми часами простаивала после этого около парка, замирая и упиваясь его пеньем. В душе всплывали воспоминания. И сладко и больно было от них. Вспоминался наш сад в Прудках [в Крапивненском уезде Тульской губернии – Л.Б.], березовая аллея, которую я так любила, большие качели, беседка под липой и соловей. И друзья... Куда все делось?

Лето очень жаркое, дождей было мало, все пожгло солнцем, листья на деревьях пожелтели, словно осень, трава выжжена, и на душе грустно...

Два месяца Николай находился в лагерях. И у меня было больше свободного времени. Теперь лагерь уже закончился. Скоро и ребятам идти в школу. Аля перешла в 8-й класс, стала совсем взрослой, Витася в шестой, а Толя только в пятый. Женя перешла на второй курс института [Киевского политехнического – Л.Б.], экзамены были трудные, «заедает» ее украинский язык. Но справилась. Сейчас поехала погостить к подруге в Винницу.

Ребята здесь в большинстве своем хулиганистые. Особенно сын одного майора – Загудаева. Прямо какой-то разбойник. И на моих ребят он оказывает дурное влияние, особенно на Анатолия, как более слабохарактерного. Недавно Анатолий довел меня до обморока. Как тяжело воспитывать детей...

Киев. 1939 г.

Крещатик (верхнее фото) и улица Архитектора Городецкого (нижнее фото)

Заем третьей пятилетки
(выпуск второго года).
100 рублей. 1939 г.

Что же я не упомянула о самом главном? Коле дали вторую шпалу, теперь он майор. Это было еще в феврале.

Сегодня была подписка на заем. Я подписалась на 100 рублей.

7-е

Как быстро и как бесцельно бегут дни. Вот уже последний месяц лета, а там пойдут дожди, и наши цыплята не успеют вырасти. Откровенно говоря, они так мне надоели, и так дня не видно, а тут еще с ними надо возиться. Сарай у нас маленький, наседки дерутся, приходится рано их выпускать.

Дни стоят очень хорошие, но мне совсем не приходится быть на солнышке. В Виннице как-то больше находилось свободного времени. Вчера поехали с Николаем на рынок. Накупили помидор, огурцов, яиц. Он взял корзинку, а на трамвайной остановке по обыкновению было много народу, в трамвай всегда приходится садиться с боем. Николай всегда деликатничает, пропускает женщин вперед – по-ленинградски. А здесь это не принято, мужчины толкают женщин даже с маленькими детьми. Я кое-как пробралась в трамвай, а муж все еще не может сесть, а трамвай уже пошел. Со мной не было денег, и я выпрыгнула на ходу. Да как-то неудачно, чуть не упала. Хорошо, какой-то мужчина поддержал. Коля испугался за меня и уронил корзинку. Ну, конечно, из нее все и высыпалось. Яйца разбились, помидоры покатались в разные стороны... Такое взяло меня горе, что на весь день испортилось настроение.

Р.С. От Зины Рябовой давно ничего нет. Как-то она живет? Я была очень удивлена ее первым письмом. Зина писала, что Николая Михайловича забрали неизвестно куда и она о нем уже два года не имеет никаких известий, как в воду канул.

28-е

Сегодня был у нас приемный экзамен на курсы медсестер. Я тоже хочу ходить на эти курсы, только не знаю, хватит ли у меня времени. Вечером ездили на собрание. Там выяснилось, что курсы будут не полугодовые, которые дают право быть кадровой медсестрой, а девятимесячные, выпускают только сестер запаса. Такие курсы, конечно, ничего не дадут, и поэтому многие были разочарованы.

29-е

Приходил к нам нынче начальник курсов Гришнев, агитирует за курсы медсестер, но я уже решила не ходить. Им надо набрать группу не менее 35 человек, иначе курсы не смогут открыться. Принимают даже с четырехлетним образованием. А раньше было постановление принимать только тех, кто имеет образование не ниже семилетки.

Я была очень удивлена, узнав, что на курсы записалась жена одного командира, имеющая высшее образование по профессии «инженер-плановик». Мы с ней познакомились, и я спросила: почему вы не хотите работать по своей специальности? Ведь детей у них нет, и сидеть дома без дела непозволительно. Она мне ответила: муж не хочет, чтобы я работала.

Сентябрь, 8-е

«В воздухе пахнет грозой...». Сегодня в час ночи прибежал красноармеец и объявил, что всех¹ вызывают в часть по тревоге. У Коли чемодан был уже там раньше, он сейчас же встал и ушел. Через некоторое время прибежал красноармеец за Тафриновичем. Ночь у нас прошла тревожно. Наутро мы узнали, что эшелоны отправляются неизвестно куда. Надо думать, на запад. Нас охватила тревога. Воевать пока, кажется, не с кем. С Германией заключили договор о ненападении, а поляков немцы уже «прибирают к рукам», как говорится. Что же у меня так заболела душа?

9-е

Один батальон уезжает за другим, нескончаемой вереницей идут танки. Жены плачут, мужья забегают «на минутку». Коля так и не пришел, напрасно я ждала его и вчера, и сегодня. Было и больно, и обидно. Мои ребята такие взволнованные, постоянно приносят какие-нибудь новости. Говорят, Д.К.А. [Дом Красной Армии – Л. Б.] полон призывниками. Жены, матери, сестры стоят там толпой, боятся, что началась «настоящая война». Наши женщины собираются кучками, делятся впечатлениями, делают свои заключения.

Женя говорит, что у них в институте забирают даже дипломантов, а первокурсников призывают на действительную службу. Теперь ведь новый декрет, будут призывать в армию с 18 лет.

10-е

У нас в городе и в городке [военном городке, где жили семьи командиров – Л.Б.] началась паника. Все бросились по магазинам, разобрали абсолютно все продукты. В нашем кооперативе образовалась огромная очередь за мукой, макаронами, постным маслом, крупой и пр., пр. Мы с Марусей решили не делать никаких запасов, будь что будет. Но неужели же война – с кем? Этот вопрос остается неразрешенным. Ведь нам никто не объявлял войны, а сами мы ведь начинать не будем. Ни по радио, ни в газетах об этом не было и речи. Если маневры, то почему таких масштабов?

Но почему же Николай не забежал проститься хотя бы на самую короткую минуточку? Это непонятно. Он-то, наверное, знает, куда и для чего они едут? Ах, как ноет сердце, как полно оно дурных предчувствий. Спала тревожно. Ночью мне слышались шаги, и казалось, Коля вот-вот подойдет к окну, постучит...

Киев. Дом Красной Армии и Флота. Фото 1930-х гг.

13-е

Каждый день приносит все новые и новые вести. Ребята объявили, что их школа закрылась, всех перевели в другую, уже в четвертую по счету. «Почему же закрылась школа?», – спросила я. Ребята с таинственным видом объявили: «Под лазарет». У меня даже кровь отхлынула от сердца. Неужели придется переживать вторую войну?..

Женщины все растерянные, с заплаканными глазами. У всех один и тот же вопрос – с кем воюем? Перед вечером неожиданно приехал казначей, привез жалованье и письма от мужей.

17-е

Поехала на рынок, затем на Крещатик. Хотела купить обувь ребятам. У них так плохо с обувкой, совсем нечего надевать. Возвращаясь с Крещатика, я услышала в трамвае новость: «Наши войска перешли границу». Говорили, что по радио передавали доклад Молотова, в котором говорилось о том, что Красная армия пойдет освобождать своих братьев-украинцев и белорусов Польши.

Не знаю, как я взяла себя в руки и не расплакалась, такой болью сжалось сердце. У кого «там» были родные и близкие, те волновались, прислушивались к рассказам, а у кого не было, те следили равнодушно, не принимая участия в разговорах. Хотелось скорее доехать до дома.

Дома узнала от женщин, что был митинг. [Политработник – Л.Б.] Сирота объявил всем, в чем дело. Женщины плакали.

30-е

Живем каждый день ожиданием, ходим на информацию, где Сирота подробно объясняет каждый шаг наших войск. Ни на одно занятие не собиралось столько женщин, сколько приходит сюда теперь. Здесь же по вечерам бывает кино.

Сегодня с утра узнали, что с фронта приехал один политрук – Рябов, он привез письма, и будет проводить митинг. Ждать было совершенно невозможно, мы побежали в общежитие, где он остановился. Было всего только 7 часов утра, там все еще спали, но так хотелось скорее узнать о своих мужьях.

Рябов вышел заспанный, не успевший с дороги толком отдохнуть, но был бодр и даже весел. Мы все накинулись на него, засыпали вопросами. У него для всех находился ответ. Каждой отвечал, что видел ее мужа. То вместе ехали, то обедали за одним столом, то на дороге встречались и пр., пр. Мы верили или, по крайней мере, хотели верить, что это так. Он интересно рассказал о встрече наших войск в Польше. Говорил, что солдат Красной Армии буквально засыпали цветами. Все разошлись довольные.

Но через несколько часов мы узнали, что убиты комиссар Ивченко и лейтенант Скибо. Мы как громом были поражены. Все побежали на митинг. Я же не пошла, чувствовала себя очень плохо, так как много плакала в эти дни. Переживания очень сильные.

Октябрь, 1-е

Пошли с Загудаевой к вдове Ивченко. Я не знала, как войти, что сказать ей утешительного. Ведь горе было слишком большое. Но вышло как-то само собой (хотя я и мало ее знала, но чувствовала к ней большую симпатию). Войдя к ней, я подошла и обняла ее, мы обе заплакали, этот вечер сблизил нас,

мне казалось, что я давно-давно знаю ее. У нее два сына-близнеца, приехали и две старушки – его и ее матери, они подруги, росли вместе. Ушли мы от нее уже поздно, она просила бывать у нее каждый день.

P.S. Я дружу сейчас с Дорониной и Загудаевой, это тоже жена майора, три «майорши» нас.

8-е

Женщины давно уже начали получать письма от своих мужей, некоторые получили еще 2-го числа. А мне только сегодня пришло первое письмо. Сколько слез, дум и бессонных ночей прошло за это время, даже жутко теперь вспомнить. С каким нетерпением все мы ждем почтальоншу, не успеет она войти в ворота, как сейчас же окружаем ее.

Коля пишет, что пока жив и здоров, это главное. Многие уже успели прислать посылки, как, например, муж Дуси Апанасенковой. Мы все ходили смотреть, какие у нее теперь красивые туфли по 12 рублей. У нас и за 200 таких не купишь. Шелк на платок по 5 рублей. Прямо как в сказке, все только рты разевали на такие диковинки. Говорят, поляки жили богато. Убегая, они оставляли все на местах, полные гардеробы, буфеты и даже обеды с полной сервировкой. Ничего нам не надо. Лишь бы скорее это все кончилось, и наши мужья скорей бы вернулись к нам.

20-е

С нетерпением ждали мы сегодняшнего вечера. Из Польши приехал Земляной, и должен делать доклад в Д.К.А. Мы все завидовали его жене, какая счастливая, дождалась своего мужа. В 6 часов все как один потянулись в Д.К.А. Мы с Дорониной пришли пораньше. Ее муж не ездил в Польшу, он оставался здесь за командира части.

Земляного встретили шумными аплодисментами, говорил он много. Рассказывал, что женщины одеваются там очень хорошо. Сказал, что наши мужья скоро приедут к нам, но, скорее всего, что мы поедem к ним. Это меня очень огорчило, ведь тогда или Жене придется ломать учение, или же оставлять ее здесь одну. Как не хочется мне ехать туда, я даже не представляю, как мы поедem. Женя тоже очень огорчилась таким известием. А ребята, наоборот, довольны, они уже строят планы. Среди женщин сразу пошли всякие толки: кто говорит, что поедem очень скоро, до праздников, кто – после праздника, а некоторые уверяют, что не ранее весны.

28-е

Были сегодня на собрании в Д.К.А. Доклад делали комбриг Богомолов и комиссар Синицын. Комбриг рассказывал, как они воевали, как забирали города, как дрались и сдавались полячки, какое интересное было у них свидание и разговор с польским генералом. Мы от души хохотали. Комиссар сказал нам, что мы должны готовиться к отъезду. Повезут нас на машинах, за некоторыми, у кого маленькие ребята, приедут мужья. Женщины радовались, хотели ехать чуть не сейчас же. А мне было очень грустно и тоскливо.

P.S. Женщины просто с ума посходили, все тащат на рынок продавать, даже казенные вещи, потому что здесь все дорого, а там все дешево. Некоторые наторговали на 5 тысяч. Мы с Загудаевой тоже ездили несколько раз, но у меня нечего особенно продавать. Да еще последний раз получилось очень неудачно – у меня из корзины вытащили платье Али и Колину старую пару белья. Это самое меньшее на 50 рублей, очень жаль, не везет мне.

Бойцы рассматривают трофеи, захваченные в боях на территории Западной Украины. Украинский фронт. 1939 г. РГАКФД, 0-101010

Население г. Львова приветствует войска Красной Армии, вступившие в город. 1939 г. РГАКФД, 4-22905

Ноябрь, 1-е

Вчера из Польши вдруг прибыли машины за семьями. Я совсем растерялась: что делать? Пришел комиссар Шашкин, принес письмо от Коли. А Николай такой нерешительный. Сказал комиссару – если жена не сможет собраться, то пусть останется до второй поездки. Мне же написал, что посылает за нами две машины и какого-то человека Иванькова, который нам поможет. Что ж, надо было собираться, завтра к вечеру погрузка должна быть закончена.

Приехал Парфинович, он нам помогал завязывать вещи, резал с Витасей кур, да, кстати, по ошибке прирезали кур бабки-соседки, так как в сарае было темно. Бабка подняла крик, пришлось ее уговаривать, убажывать. Ее семья ехать сейчас не собиралась, а оставалась до второго рейса. Витася принес кур в кухню, и там с Алей они принялись их щипать. Бабка приходила несколько раз вместе со своими курами и ухитрилась все-таки стащить и нашу...

К вечеру упаковку закончили. Вот-вот должна была начаться погрузка. Но тут и случилось самое горе. Приходит Иваньков и говорит, чтобы я сходила к комиссару, так как нам почему-то не досталось машины. Я, что называется, обалдела: почему же это так? Пошла разыскивать комиссара. Он оказался пьян. Вместе со своей женой даже на ногах не держались. С ним невозможно было говорить. Но приблизительно он все-таки объяснил мне так: одна из двух машина вышла из строя, сломался руль, значит, осталась только одна машина, а на одну все вещи не войдут. А майор (мой Николай) говорил, что можно остаться до второго рейса, и прочее в этом роде. Я потеряла самообладание, накричала на него. Да он ведь все равно ничего не понял.

Ребята плачут, так как все их товарищи поедут. Вещи все упаковали, кур порезали, а этот второй рейс будет не ранее как через 5–6 дней. Ну что делать? Просто голова шла кругом. Главное, денег на дорогу потратили уйму, купили булок, колбасы, масла, яйца – это же все лежать не может. А больше всего жаль кур. Ведь сразу их не съешь. Весь вечер проплакала, так было обидно.

2-е

Маруся уехала, Загудаева тоже. Осталась Доронина, ей ехать некуда, ее муж здесь. Такая тоска, делать нечего, взяться не за что, спим где попало и на чем попало. Ребята уже в школу не ходят и слоняются без дела. Только и развлекались тем, что жарили своих кур. К вечеру пришлось кое-что распаковать, не хотелось уже вторично спать кое-как. Вечером пришла Доронина, хоть с ней отвела душу, ругала почему зря комиссара и своего мужа, но кому от этого легче?

6-е

Прибыли машины, вчера весь день шла погрузка. Начальником эшелона был Дерюга, его помощником Еремин. Думали выехать в ночь, но начальство сильно подвыпило, и поэтому поездку отложили до утра. Еремин оказывал нам знаки внимания, приходил несколько раз, смотрел, как грузили наши вещи, давал указания.

Ночь прошла быстро. У меня так болела душа, так не хотелось ехать, так было жаль Женю. Эх, кочевая наша жизнь!.. Настал час расставанья. Я уж крепилась, не плакала, но от этого было еще тяжелее. Женюлька тоже старалась улыбаться, дорогая моя девочка, какая она ласковая, любящая. Мы сели в автобус. Автобус маленький, на 8 мест. А нас было 11 взрослых, да 10 детей, да еще плюс какой-то мужик. Мои мальчики сели в кабину грузовой машины. Ехать было невесело, очень трясло, ребята пищали, у Ереминой старший мальчишка выскочил в заднюю дверь, хорошо, не разбился. Ехали очень быстро. Несколько раз останавливались, чтобы перекусить. С любопытством смотрели в окна, когда переезжали границу. Почему-то казалось, что «за границей» должно быть что-то особенное.

Приехали вечером, было темно. Машина въехала в ворота и остановилась во дворе у дома. Встречали нас какие-то командиры. Николая не было. Оказывается, он уехал куда-то по делам. Нас повел один командир, как потом оказалось, наш сосед Осипенко. Кругом грязно, лестница вся засыпана мусором. Я не утерпела и сказала: какая у вас тут грязь. «Да, грязновато», – равнодушно ответил Осипенко. За время своего похода они уже, верно, привыкли к подобному.

Открыли двери нашей квартиры. Нельзя было представить себе ничего более плачевнее этих огромных пустых комнат. Я долго стояла в горестном изумлении. Хоть бы какая-нибудь обстановка, но нет ничего, кроме драной кушетки...

Ровно, 1940-й год*Март, 2-е*

Пишу спустя несколько месяцев. Не было ни времени, ни желания писать. С Николаем все время ссорились. В январе приезжала из Киева Женя. Это несколько оживило и скрасило мою жизнь. Но пора-

Ровно, 1940 г. Панорама улиц совр. Остафова и Пушкина

довать ее ничем особенно не пришлось, так как стало уже все дороже и труднее доставать. А первые два месяца было так всего много и так все дешево, люди много чего приобрели, особенно у кого маленькие семьи. Мы тоже кое-что заимели. Ели-пили вволю. Масло сливочное стоило по 7.50 за кг, сахар – 1.10 за кг, колбаса – 3 р. и 4 р. кг, мясо – 2 р., яйца – 2 р., мука – 50 коп. Но все это уже прошло, и теперь цены значительно выше.

Сейчас все переживаем и болеем за войну с Финляндией. С жадностью слушаем последние известия по радио, ходим на политинформации. Многие наши уехали туда на фронт. Жены их очень переживают, потому что со стороны финнов творятся такие зверства, такие ужасы, прямо как в средние века.

Кругом все войны, и чего только надо людям?..

8-е

Сегодня женский праздник, все ездили в гарнизонный Д.К.А. Мы были там с Осипенкой, я с ней дружу, хотя характер у нее отвратительный, со всеми постоянно ссорится, но, кроме нее, дружить не с кем, все кругом моложе нас.

Живем в военном городке. Очень удобно. Здесь и кооператив. Теперь уже привыкли, но первое время было довольно странно ходить по улицам и видеть мужчин в коротких штанах, как мальчики, женщин с необыкновенными прическами и тоже в коротеньких, до колен, платьях и пальто. Они на нас смотрели тоже с жадным любопытством. У них здесь было все очень дешево и всего в изобилии, поэтому одеваются очень хорошо, со вкусом и красиво. А наши понаехали как куклы драные и рваные. Но теперь, конечно, все приоделись, некоторых уже даже от полячек не отличишь. Многие командиры женились на польских женщинах.

26-е

Завтра Николай уезжает, его перевели во Львов. Теперь будет хуже, так как расходов станет больше, жизнь во Львове несравнимо дороже здешней. Как жаль уезжать.

Май, 2-е

Встретили май не особенно торжественно. Погода не очень теплая. Николай обещался приехать, но не приехал. Ребята ходили на парад, но здесь нет площади, и особенно развернуться негде. Гуляний вечером особенно не было, это не так, как в Ленинграде, там три дня и три ночи, бывало, праздновали люди.

Михаил Михайлович Богомолов (1897–1940), полковник, впоследствии комбриг и комдив, герой Гражданской войны, участник советско-финской войны

У нас в городке есть хороший сад. К празднику его убрали, прочистили дорожки, насажали цветов, повесили плакаты, осветили. Одним словом, настоящий культурный сад отдыха.

Вечером по случаю праздника играл оркестр, на танцевальной площадке были танцы. Молодежь плясала, а старички сидели на лавочках и упивались майским вечером.

5-е

Нас всех постигла большая утрата. Умер наш комбриг Богомолов. И так неожиданно. 2-го числа был весел и здоров, катался со своей семьей в садике на велосипедах. А ночью его в бессознательном состоянии перенесли в госпиталь, там ему немедленно была сделана операция. Прилетали на самолетах профессора из Киева, но спасти не смогли. Ему еще только 43 года, а он имел уже 4 ордена. Он был на финляндском фронте, его соединение первым прорвало линию Маннергейма.

Хоронили его очень пышно и торжественно. В Ровно еще никогда не видели таких похорон. Схоронили комбрига посреди города, в сквере. Это место будет теперь местом отдыха трудящихся и там, нам сказали, поставят

красивый памятник. Сейчас у его могилы стоят часовые. Мы все плакали, даже командиры, и гражданские. А больше всех плакали две его девочки, 10 и 15 лет. Они теперь круглые сироты, мать у них не родная. Когда подняли гроб, чтобы опускать в могилу, меньшая дочка упала на него и закричала: «Папочка, папочка!» В это время опустились знамена, танки и пушка дали оглушительный залп. Затем залп дала пехота, а после этого протяжно и уныло загудели заводские гудки.

До этого погода была плохая, шел дождь. А в этот день солнце светило по-весеннему ярко и играло на трубах оркестра, на полотнищах знамен. Заливало яркими лучами гроб и лежащего в нем комбрига, но ему не нужен был уже ни этот чудесный весенний день, ни эти пышные почести, ни эти слезы. Как зло шутит судьба. Человек прошел четыре войны и остался жив только для того, чтобы умереть через несколько дней по приезде домой.

Май в этом году холодный, в иные числа стояли такие морозы по ночам, что померзли цветы и фруктовые деревья. Говорят, так же было в 1928 году. Местные жители утверждают, что это «большевики принесли холод из России, потому что открыли границу».

22-е

Заболела гриппом. Думала, пустяки, а пришлось проваляться пятидневку.

Июнь, 10-е

Такая установилась чудесная погода, но только как-то дня не видишь. С утра в кооперативе, на рынке, затем торопишься с обедом, а там надо убирать посуду. Смотришь, уже и вечер. Вечера здесь тихие, с упоительной летней прохладой.

По вечерам я долго с женщинами сижу в садике. До семи часов ни в городок, ни в садик не пускают, так распорядился комиссар бригады Синицын. Это очень нам обидно, ведь кроме как там негде и время провести. В кооператив по городку пройти очень близко, а теперь приходится идти вокруг...

У ребят начались и благополучно закончились экзамены. Теперь будем понемножку собираться во Львов. Ехать очень не хочется, дорого там все. Но что же делать? Числа 15-го надо будет уже ехать.

Так мы и думали, что «загад не бывает богат». Вчера вечером была военная тревога. Никто этому не придавал поначалу значения. В городке это случается часто, стало уже обыкновенным. Но сегодня мы узнали, что наши куда-то срочно уезжают ночью. Грузился четвертый батальон, он отправляется первым, затем поедет второй батальон, и потом остальные. Женщины повесили носы, стали собираться кучками и делать всякие предположения. Кто говорит, что наши мужья едут на румынский фронт, кто – на турецкий, но правды никто не знает. У меня сердце облилось кровью: куда же, куда? Ни в газетах, ни по радио ничего об этом не говорили. Вечером пошли к нашему садику, откуда в 11 часов уезжал первый батальон. Зашумели, загудели танки. Мы подошли к решетке садика, однако тотчас появились часовые, велели нам идти домой. Теперь везде часовые, чувствуется во всем тревога, напряженность. Но сильнее всего – душевная тревога.

14-е

Сегодня получила письмо от Николая, он тоже уже уехал. Письмо было ласковое и грустное, я даже заплакала, но на душе стало спокойнее – он жив и здоров, а то меня мучила неопределенность.

А погода так хороша и так контрастирует с моим душевным состоянием. Встала сегодня рано, окна были открыты всю ночь, веяло утренней прохладой. Я долго сидела у окна. Передо мной зеленел сад, оглашаемый щебетом птиц, – и каких только не было здесь голосов! «Эх, куда вы ушли мои годы золотые!»... Даже не верится, что за плечами уже столько лет [моей бабушке шёл в ту пору 48-й год – Л.Б.].

Нам теперь разрешили ходить свободно по городку и по садику, в любое время. Везде тишина, не видно ни бойцов, ни командиров. Женщины ходят унылые.

После обеда я обычно ухожу в сад, там есть одно уединенное место, мое любимое, и с наслаждением отдаюсь отдыху. Беру с собой почитать «Войну и мир».

Сейчас бы куда-нибудь в лес за грибами да ягодами. Ягод здесь продается много, особенно клубники. Я сварила десять кг. Как-то купила целое ведро, решила досыта накормить своих ребят. Жаль, что нет Женюрки, она в Киеве плохо питается, там очень все дорого.

Ровно. Памятник М.М. Богомолу. 1940 г.
Современный вид

Июль, 21-е

Меня очень беспокоит долгое отсутствие Жени. Она должна была приехать не позже 10-го, а вот уже и июль подходит к концу. Я каждый день бегаю на почту узнавать, нет ли письма. И от Николая что-то давно нет известий – с тех пор, как взяли Бессарабию.

Это событие всех нас очень взволновало. Мы узнали о нем сначала по радио, а потом у нас было собрание, нас успокоили, сказали, что скоро уже все наши приедут. Как хорошо, что обошлось без крови.

Михаил Александрович
Буковский (1889 – до 1940),
комбриг, начальник штаба
1-й Киевской артиллерий-
ской школы

23-е

Вот радость-то – прилетела, наконец, из Киева на каникулы моя птичка, такая худая, одни косточки, не очень хорошо ей там жилось последнее время. Студенческая столовая закрылась на каникулы, приходилось питаться кое-где и чем попало...

Ах, как жаль, умер Буковский Михаил Александрович [комбриг, начальник штаба 1-й Киевской артиллерийской школы – Л.Б.]. Какой был милый, симпатичный человек. Я все собиралась написать письмо его жене Марии Петровне, так и не собралась... Когда мы жили в Киеве, можно было поехать к ним, да не было приличного платья. А как хотелось мне с ней повидаться, я ее очень любила. Она такая простая, отзывчивая, никогда не кичилась высоким положением мужа. Тяжело им теперь, такое горе. Вот как быстро проходит наша жизнь, как верно сказал поэт: «...И весь как сон прошел твой век» [строка из стихотворения Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779 г.) – Л.Б.].

29-е

Никогда не поживешь спокойно, не одно, так что-нибудь другое. От Николая нет ни слуху, ни духу. Хотела уже сама ехать во Львов. Хоть бы деньги послал. Может быть, болен? Мог бы сообщить об этом. Хорошо, что у меня от подъемных еще остались деньги, а то, как бы и жить. Полтора месяца на одну получку не проживешь. Да и Женюрку хочется поправить, приготовить ей что-нибудь получше. Она уже заметно посвежела. Как хорошо с ней, целый день говорим и не наговоримся. Она всем очень нравится. Веселая, подвижная, мой характер в молодости.

У нас теперь новые соседи Кошурниковы – вместо Осипенко, которые уехали. Чему я очень рада. Кошурниковы милые, интеллигентные люди, мне оба нравятся.

Теперь в городке снова стало шумно. Командиры и красноармейцы вернулись из похода, жизнь потекла по прежнему руслу.

Август, 3-е

Смотрели в Д.К.А кино «Большой вальс» из жизни Иоганна Штрауса. После кино собрались все у нас – Кошурниковы и Людмила Семеновна, делились впечатлениями и долго обсуждали эту семейную трагедию. Картина всем очень понравилась, а главное, она такая музыкальная и затрагивает все струны души. Теперь надо пользоваться: кино здесь близко и бесплатное, а то во Львове не посмотришь, там все далеко. Решили ехать во Львов 18-го.

Здесь в последнее время так много молока в подсобном хозяйстве, по 85 копеек за литр, а во Львове, рассказывают, по 2 рубля литр. Мы каждый день берем вечером по три литра и отпиваемся. Яйца здесь дешевые, по 3.50. Не знаю только, сколько мы будем жить во Львове. Так не хочется ехать.

18-е

Мы почти уже собрались. Корзины, ящики, все запаковано, и сразу стало как-то нечего делать. Кошурниковы очень жалеют, что мы уезжаем. Мне тоже не хочется с ними расставаться. А ребятам не хочется покидать Ровно. Здесь у них подруги-товарищи.

29-е

Только вчера приехал Николай. Мы все переволновались за это время. Все уложили, со всеми распрощались, и стало грустно-грустно. Я, Женя и Аля поехали на поезде, а Николай с мальчиками на машине. Посадка была скверная, едва сели, будучи без вещей, а можно представить, как ехали бы с вещами?

Панорама и улица предвоенного Львова

Во Львов прибыли в час ночи. Шел дождь, было холодно, хотелось спать. Мы взяли извозчика и поехали на квартиру. Улицы тонули в полумраке, здесь газовое освещение, и ночью свет тушится. Ехать было страшновато, улицы безлюдные. «Завезет еще нас куда-нибудь», – думали мы невольно. Наконец, доехали, но около дома немножко поблуждали, попав сначала в другое здание. Расплатились с извозчиком – 15 рублей, и начали стучать в дверь.

К нам вышел человек, которого зовут тут «хозяином». Он работает в штабе дворником. Проводил нас на нужный этаж, открыл квартиру. Мы долго ходили по пустым комнатам. Не было ни стола, ни даже стула, только одна кровать.

30-е, Львов

Погода, как нарочно, дождливая, теперь, верно, мальчики с мужем озябнут, а вещи в машине промокнут. Я проснулась рано, на полу спать было жестко и неудобно. Побродила по комнатам. Всего три комнаты, а четвертую занимает командир-холостяк. В кухне есть балкон, он выходит в садик. Около дома – цветник, очень хорошо, мне все понравилось. Жаль только, что у нас нет обстановки.

Пришла наша соседка Чупрова. Она рассказала, что яйца здесь стоят 3.50 за десяток, как и в Ровно. И вообще жить можно. Только фрукты и овощи во Львове дорогие.

В 11 часов приехали наши мужчины, насквозь промокшие и прозябшие, а про вещи и говорить нечего.

Сентябрь, 5-е

Все эти дни разбирали промокнувшие вещи. Погода, как нарочно дождливая, насилу все пересушила. Получили подъемные – 1000 рублей. Женя хотела купить себе часики за 400 рублей. Так и не купила. Николаю все некогда было сходить с ней, а мы магазинов не знаем. А деньги как вода льются, прожили их неизвестно куда.

Так мне жаль Женюрку. Живем в разлуке, а там окончит институт и уедет куда-нибудь далеко, и не пожить уже вместе.

Вечером пошли провожать ее. Народу ехало в поезде много, но порядка было больше, чем в Ровно, и поэтому спокойно все сели. Теперь долго опять не увидимся.

Обратно пришлось идти пешком, так как было поздно и трамваи не ходили. Я порядком устала. Шли по темным улицам, газ уже потушили. Домой добрались в третьем часу ночи.

13-е

Во Львов приехали Бурцевы, надо бы сходить к ним, да они поселились далеко от нас. У нас внизу живет жена «хозяина» – хорошая женщина. Но плохо говорит по-русски, я совсем ничего у нее не понимаю. Она хоть и украинка, но говорит все по-польски. Чупрова тоже «калякает» по-польски, а ее маленькая дочка все понимает на этом языке, я даже удивилась.

25-е

Недавно приезжал Михаил Николаевич Кошурников. Он такой милый и простой человек, очень мне нравится. Рассказал кое-что про Ровно. Вспомнили с ним, как хорошо там жили, и стало жаль, что пришлось уехать. А здесь вот военного городка нет. Нет и радио, бедный наш репродуктор стоит немой на этажерке.

Недавно в выходной ходили с Николаем покупать одежду ребятам и неожиданно встретили Н.И. Бурцеву. Мы обе обрадовались, сразу пахнуло на нас Винницей... Они очень звали к себе, но

было уже поздно, надо было идти домой. Бурцевы живут сейчас хорошо. Купили себе прекрасную обстановку. Мальчуган их подрос, нельзя узнать.

Октябрь

Вот уже и осень. В России в это время бывает совсем холодно. Но здесь еще тепло. Люблю я одна бродить по городу. Ребята ходят во вторую смену, возвращаются поздно. И я часиков в пять вечера выхожу и до шести-семи гуляю, наедине со своими мыслями. И о чем только не передумаешь, чего только не вспомнишь...

Какой прекрасный город Львов, настоящий европейский. Какие богатые, красивые здесь дома. Около каждого непременно имеется цветник и сад, все тонет в зелени. Воображаю, как было здесь летом. Сейчас уже чувствуется запустение, дорожки в цветниках заросли, опавшие листья не убраны. Но все равно еще хорошо. Смотрю и не насмотрюсь, так люблю я сады, цветы, от них веет радостью, молодостью. Осенние цветы и осенние песни – самое прекрасное, но и самое грустное на земле.

Львов, 1940 г.:

слева – площадь Мицкевича, справа – Университет Яна Казимира

P.S. У Николая украли суконную гимнастерку, ну, в чем теперь будет ходить зиму? И бритву украли, и трикотажную рубашку. Потому что он не как другие, ему ничего не нужно. Я так расстроилась.

Еще P.S. Вот наши соседи Чупровы такие молодые, обоим нет и тридцати лет, и такие практичные, особенно жена, скупая и мелочная. Взяла у меня недавно 3 рубля, мол, мелких денег нет, а 30 рублей менять не хочется, да так и не отдала, «забыла».

Если бы нам начинать жизнь при таких, как у них, условиях, хорошо бы было. Эх, родиться бы мне 10 годами позже. А то мы в самое тяжелое время начали жить. Сколько горя я видела, а радости так, верно, и не дожидаться. Теперь, верно, уже и смерть не за горами.

16-е

Сегодня Николай принес жалованье – 650 рублей. Из них 400 надо послать Жене. Вот теперь почувствуется платное обучение! Этот месяц будет для нас очень трудным. Не знаю, как и жить. И как это безрассудно прошли у нас подъемные? Ничего на них не приобрели.

23-е

Неожиданно и незаметно наступила осень. Стало холодно, а по утрам и морозно. Ребята перешли теперь на первую смену. И по вечерам я уже не брожу по городу.

Ходили с соседкой Чупровой в свой кооператив. Пешком идти скорее, чем ехать с пересадкой на двух трамваях, так как есть кратчайший путь. За городом шли полем, на дороге валялась оброненная кем-то солома. Это живо напомнило мне нашу деревню близ родной Крапивны. Жаль, не с кем было поделиться впечатлением и воспоминанием. С Чупровой что говорить? Она совсем девочка, ей только 22 года. Вот жила бы Бурцева поближе, как было бы хорошо. Я так и не собралась к ней.

Затем пошли парком. Это даже не парк, а просто местечко, где в беспорядке были разбросаны деревья. Мне здесь понравилось. Пахло лесом, листья шуршали под ногами, веяло осенней грустью. И не хотелось отсюда никуда уходить.

30-е

Сейчас у нас полное безденежье. Из кассы взаимопомощи дали только 100 рублей. Не знаю, как и проживем этот месяц. Я как-то быстро потратила 250 рублей. Надо было рассчитать не более 15 рублей в

день. Конечно, это так мало на нашу большую семью, но что же делать, надо уметь жить. Все лучше, чем ничего, а вот эти дни даже и мяса не покупали, только хлеб и картошку. Может, можно будет заложить облигации. Жаль – ведь все равно потом не выкупить.

В Ленинграде заложили на 1500 рублей, в Киеве на 400 р. За почти 2000 р. получили только 630. Какой доход от нас государству! А нам-то туго приходится. И когда же мы будем жить хорошо? Когда будет у нас все дешево? Когда можно будет все достать без очереди?

Ведь вот у поляков было же хорошо, не только же «пани» у них жили хорошо. Наша «хозяйка», которая все время работала на других, не может подавить сейчас вздоха, когда вспоминает, что сахар у них стоил 30 грошей и было его сколько хочешь. Или фланель: стоила у них 50 грошей, и было её некуда девать. А при нас «на изволенной земле», где было такое изобилие, быстро ничего не осталось. За сахаром колоссальные очереди (или, вернее, кошмарные), за мануфактурой, когда она бывает, становятся с ночи. Почему так?

Вчера в газете большими буквами было озаглавлено: «В Японии недостаток риса». У них недостаток, а у нас его совсем нет. Маленькие ребята в очереди с любопытством спрашивают: «А что это такое – рис?» Мамаши резонно им отвечают: пойдешь в школу, будешь учиться, тогда и узнаешь.

Недавно вышло новое постановление: хлеба и всех продуктов давать по кило, а мяса по полкило. Час от часу не легче. Нам хлеба с булкой надо на семью 3 кг в день. Приходится по несколько раз стоять в очереди. Вот где «хлеб наш насущный даждь нам днесь». Тяжелая жизнь. Хоть бы дети наши жили лучше...

Ноябрь, 2-е

Недавно был у нас наш командир полка. «Приехал, говорит, посмотреть, как вы живете». Я его видела в первый раз. «У вас, – говорит он мне, – ничего». Да, отвечаю, ничего, только много пустоты. Коля говорил, что в квартире у комполка прекрасная кожаная мебель, красивые зеркальные шкафы, и пр., пр. Воображаю, какой жалкой показалась ему наша обстановка. Ему, наверное, странно, как это, майор, и живет так бедно. А майору сейчас и надевать-то нечего. Суконную гимнастерку украли, а другой нет. Вот и будет замечание, что одет не по форме. Эх, ты, жизнь наша.

1941 год

Февраль, 3-е

Сегодня проводили Колю в Изяслав [ныне в Хмельницкой области Украины – Л.Б.]. Он целый месяц сдавал дела. Теперь некому будет Женю провожать. Сейчас очень трудно с билетами, поезда запаздывают, а бывает, совсем не приходят, по несколько дней стоят в поле, такая снежная зима.

7-е

Завтра Жене уже надо ехать, а билет не можем достать. Придется брать прямо на вокзале. Сегодня у нас сборы. Пеку пироги, уточку зажарила, котлеты, сало купила. Отнесла Толины ботинки в скупочный пункт и получила немного денег, а то бы ехать Женюшке было бы не с чем.

Паровое отопление у нас испортилось, комнаты не топят. Обогреваемся только кухней, куда перенесли все кровати, ложимся не раздеваясь. Вечером пришел Сальников и наш сосед Горячев. Долго сидели с ними, пили чай и настойку из черники, играли в домино. На кухне было тепло, теперь вся жизнь проходит там.

На львовском рынке. Наверху – фото 1939 г. (ЦГКФФА Украины им. Пшеничного); внизу – кадр из документального кинофильма «Советский Львов» (киностудия им. Довженко, 1940 г.)

Как-то Коля устроился в Изяславе? И ему тоже невесело. Его однокашник по артиллерийской школе Семенченко уже генерал-майор. Если бы Николай был партийным, тогда, конечно, не засиделся бы в майорах. Ведь он не глуп, очень образован...

8-е

Сегодня Женюрка уезжает в Киев. Володя Сальников достал ей билет. Я накормила их обедом и проводила. На душе тоскливо, как будто она покидает меня навсегда. За всех душа болит.

Март, 3-е

У нас тут прямо волчий холод. Не похоже что-то на Украину. В доме трубы не отапливаются, потому что Николай слишком доверчивый. Привез угля и дров, закинул их в общий сарай, думал, что потом и Чупров себе привезет, а тот быстро перенес наши дрова в другой сарай, и топит себе, мне же приходится покупать на рынке. А там такая дороговизна. И какие подлые эти Чупровы – богатые и такие мелочные. Николая ругаю за то, что не купил себе отдельный сарай. Какая скверная жизнь, денег нет, дров нет...

11-е

Чупровых перевели, они уже уехали, теперь на их месте Беляевы, НКВД. Он уже пожилой, а она молодая, красивая женщина, но какая-то несерьезная. И так громко смеется, на всю квартиру. Как только детей своих не перепугает? У них двое малышей.

Май, 1-е

Вот и май. Сегодня и погода как будто бы смиростивилась. Выглянуло солнце, стало тепло и светлей на душе. Ходили с соседкой гулять. Город к празднику оформили скверно, вообще что-то не празднично вокруг. Много разговоров о войне. Неужели все же будем драться с Гитлером?

В Ровно, говорят, сбили германский самолет. Верно, и правда пошли войска на границу. Когда только прекратятся эти боины, и что людям надо? За что все дерутся? Хоть бы скорее уже Гитлер умер или кто-нибудь ухлопал его.

Гитлер подошел уже к нашей границе, забрал Югославию, высадил свой десант на Холанских [Аландских – Л.Б.] островах в Финляндии. Так что-то страшно, так тревожно жить.

Плохо, что живем не в военном городке, там хотя бы на политинформациях все узнавали, а тут и их нет, и радио нет.

Вечером пошли гулять с Алей по улицам. В одной из школ играло радио, мы долго слушали, стоя рядом. Как раз пела Барсова, арию из оперы «Лакме».

11-е, воскресенье.

Теперь ведь выходные по воскресеньям. Все на старую дорожку выходим понемножку. Вот и плата за обучение теперь введена, за троих надо будет платить. Как жить-то будем, не знаю.

Убивает погода: май, а еще ни одно деревце не распустилось. В мае у нас в России, бывало, все зеленело. Я помню, 9-го, на Николин день, сирень обычно цвела, все кругом благоухало. По новому стилю это будет 22...

* * *

На этом дневник Лидии Александровны Безруковой обрывается. От мамы я знаю, что их семью успели вывезти из Львова в первый день войны вместе с другими командирскими семьями. В эвакуации они жили в глухой удмуртской деревне. Туда в конце сорок второго и пришла похоронка на майора Н.И. Безрукова. Он погиб под Сталинградом.

Из Удмуртии в 1943 и 1944 годах были призваны на фронт оба сына моей бабушки – сначала Виталий, затем Анатолий. Они тоже погибли. Мама, Алевтина Николаевна, рвалась бить фашистов, записалась в школу снайперов, «чтобы отомстить за папу и братьев», но бабушка умолила военкомат не отправлять её на войну.

Пережила Лидия Александровна своего Николая на пять лет. Умерла в сорок седьмом там же, в Удмуртии. Как рассказывала мне мама – одна из всей большой семьи остававшаяся с ней, – от горя.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Безрукова, Л. Н. «И весь как сон прошел твой век»... Дневник жены командира РККА за 1938—1941 гг. / Л.Н. Безрукова // Пространство и Время. — 2017. — № 1(27). — С. 136—152. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provstl-27.2017.52.